

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ
ЛЕТОС**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЬМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

**ШАНС
МАСТЕР СНОВ**

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл

«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

МАСТЕР СНОВ

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 935

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.

П23 Мастер снов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 378 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1926-5

Мир ближайшего будущего, на первый взгляд стабильный и гармоничный, где давно обузданы опасные вирусы, генная инженерия продлевает жизнь и молодость, а биотехнологии способны создать даже искусственные тела. Город, объединивший несколько стран в единое государство — который всегда был гарантом стабильности, надежности и защиты для своих граждан.

Мир Полиса никогда не видел темных веков и ужасов инквизиции. Но мало кто из его жителей знает, что скрывается за этой стабильностью и как рискуют собственными жизнями мастера снов, чтобы сберечь его устойчивость и неизменность, сохранить гармоничное развитие.

Благодаря их работе никто давно не рассчитывает столкнуться с воплощенным кошмаром, не задумывается о существовании черных сновидящих, которых в древности именовали убийцами и разрушителями и боялись больше самой смерти. И тем более никто не верит, что они могут обрести реальность и выйти на улицы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,
Турчанинова Н. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1926-5

Сон — это то, в чем мы нуждаемся постоянно. Без еды человек может прожить месяц, без воды неделю, если полностью лишит его сна, он сходит с ума на пятые сутки и умирает.

В мире сновидений не действуют законы морали, человеческого общества и государства. Сон не ограничен в пространстве и времени, минута здесь с легкостью растягивается на год, а месяц сжимается до секунды. Он беспределен и вечен, захватывает целые материки, вселенные и тысячелетия. Способен рассыпаться от прикосновения крыла бабочки, и его не в силах разрушить самый громкий крик.

Во сне мы беспомощны и всеильны. В нем таятся чудовища и прекраснейшие существа. Это время отдыха, гениальных открытий, исполнения мечты, невообразимых кошмаров, наслаждения, иллюзий, исцеления, покоя, смерти.

Его власти не в силах сопротивляться ни люди, ни животные, ни боги...

Глава 1 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Единственными, кто узнал меня, были деревья. Березы, растущие вдоль дороги, едва слышно перешептывались, и я чувствовал на себе их невидимые, но доброжелательные взгляды. Их память всегда была надежнее, чем человеческая. Впрочем, я слишком давно не появлялся в этом городе.

Скоростной экспресс «Нот» привез меня на крошечную станцию, отделенную от мегаполиса парой сотен километров. Белый поезд, похожий на шуку, такой же стремительный и хищный, названный именем южного ветра,

обжигающего и быстрого, унесся прочь. Платформа задрожала, воздушная волна ударила в лицо, вереница обтекаемых вагонов исчезла.

Это была ничем не примечательная крытая остановка. Мягко светящееся табло с расписанием поездов, закрытый киоск с напитками и газетами, автомат, круглосуточно подающий шоколад и фруктовые батончики.

Из пассажиров на платформе стояли только старуха с корзинкой, накрытой тканью, и два подростка. Они уставились на меня с одинаковым любопытством и провожали взглядами до тех пор, пока я не ушел со станции, чтобы спуститься к дороге, ведущей в прохладную тень аллеи.

Зеленый купол над головой мягко шелестел. Сквозь длинные переплетения ветвей, колышущихся от легкого ветра, я видел склон, плавно изгибающийся к реке, крутой обрыв на противоположном берегу и одноэтажные деревянные дома, стоящие на нем. Один из них почему-то особенно бросался в глаза, хотя практически ничем не отличался от остальных. Те же пять окон по фасаду, над ними шатровая крыша, металлическая фигурка на трубе. Когда-то давно я полагал, что в нем живут привидения. А потом, уже повзрослев, стал считать одним из ориентиров своих не совсем обычных путешествий.

По плотно утоптанной дорожке передо мной резво бежала трясогузка, покачивая тонким хвостиком и оглядываясь на меня. Больше никого из жителей городка мне не встретилось. На этой стороне реки и прежде было немногочисленно, а сейчас, похоже, стало вообще тихо.

Аллея, на первый взгляд кажущаяся бесконечной, закончилась, как всегда, неожиданно. По узкому мостику я перешел через ручей, пересыхающий летом, и направился вдоль берега. Здесь пахло теплой, нагретой землей, дикой гвоздикой и подсыхающей травой. Вполне летние запахи, но в порывах ветра, долетающего от ровной глади воды, уже чувствовалось дыхание осени.

В зеленой кроне одинокой березы, растущей у края тропы, виднелись редкие желтые плети. Они всегда напоминали мне пряди ранней седины в волосах статной белокожей красавицы.

Я шел не торопясь, глядя по сторонам и замечая изменения в городе. Возле каждого дома установили генераторы, отсвечивающие металлическими полированными бочками. Провода от них блестящими длинными нитями тянулись к зданиям. Дорога с новейшим покрытием из термоэластопластов стелилась справа от меня гладкой серой лентой, повторяющей изгибы пути, прежде пыльного и неровного...

Дом, который теперь стал моим, стоял в глубине двора, заросшего красной снытью. И в этом году она разрослась особенно пышно. Узорчатые листья на длинных черенках чуть покачивались от легкого ветерка. Зонтики, собранные из мелких цветов, по яркости красок могли соперничать с оранжерейными розами. Казалось, что над темной зеленью висит густое алое облако. Но эти прекрасные душистые цветы не привлекали ни пчел, ни бабочек. Для насекомых их не существовало, ведь они принадлежали другому миру.

Тропинка, прежде ведущая к крыльцу, заросла травой. Я прошел по ней, перешагнув две ступени, вытащил ключ из кармана, открыл дверь и ступил внутрь. Меня встретила оглушительная тишина, запах старого дерева, давно не топленных печей, слезавшейся пыли и совсем чуть-чуть — сырости. Здесь, в отличие от остального мира, ничего не менялось десятилетиями.

Узкий темный коридорчик вывел меня в жилую часть дома. Таковую же сумрачную и тихую.

Я бросил сумку под вешалку, мельком заглянул на кухню, дверь в которую находилась слева от входа. Тут было пусто и холодно.

Прямо по коридору виднелась темная лестница с потрескавшимися балясинами и гладкими перилами. Когда-то их дерево было блестящим, отполированным многими прикосновениями, теперь оно выглядело потускневшим. На крошечную площадку выходила крепкая черная дверь с круглой тусклой ручкой.

Я поднялся, открыл ее и сразу же, как всегда, первым увидел зеркало. Оно стояло в самой большой пустой и пыльной комнате напротив входа. Резная рама из красного

дерева, от пола до потолка, чуть замутненное от времени стекло. Иногда оно отражало все что угодно, кроме того, кто в него смотрелся, но чаще всего честно играло роль обычной амальгамы. Как сейчас.

Я пошел навстречу своему отражению. Не остановился, когда оно оказалось совсем рядом, уверенно шагнул вперед, через тонкую стеклянную преграду. Ощущение осталось прежним — прохладная волна, мягко омывшая собой все тело, мгновение темноты и тут же теплый свет в лицо.

Я очутился по ту сторону зеркала.

Здесь тоже была комната. Просторная, светлая, заполненная шорохом старой бумаги, едва уловимым поскрипыванием половиц, тихими вздохами, солнечными бликами, отражающимися от стеклянных приборов и бокалов.

Вдоль стен стояли старые деревянные сундуки с плотно закрытыми крышками. И я уже не помнил, что в них хранится. На длинных полках поблескивали странные с точки зрения нормального мира предметы. Песочные часы, чьи стеклянные колбы оказались завязаны узлом. Секстант с постоянно крутящимся барабаном микрометрического винта сверкал золотыми искрами. Стопки карт — когда-то я честно пытался изобразить схемы своих путешествий, но потом понял, что это бессмысленное занятие. Изогнутые вазы с такими же изогнутыми стеблями засушенных роз. И несколько десятков стеклянных банок с пуговицами. Самыми разными. Маленькими, большими, от мужских костюмов, пальто, женских кофточек и детских платьиц. Из пластика, металла, дерева, обтянутого тканью, дорогие и самые дешевые.

Некоторые из этих банок были заполнены лично мной.

Зеркало за моей спиной выглядело точно так же, как и в реальном мире. Это был единственный якорь, соединяющий две действительности. Сейчас дверь была открыта, и в ней отражалась пыльная комната.

Я еще раз взглянул туда и вдруг заметил краем глаза быстрое движение. Нечто темное и размытое бросилось на меня, попыталось прыгнуть на спину, занеся руку для удара... Я стремительно развернулся, перехватил тонкое запястье,

вывернул его, заставляя выронить зажатый в ладони нож. И только после этого разглядел напавшего... напавшую на меня. Ею оказалась девчонка лет семнадцати — бледная, растрепанная, измученная, похожая на голодную, одичавшую кошку. Она рванулась было из моих рук, но, видно, это отчаянное нападение забрало ее последние силы.

С беспомощным всхлипом девушка повисла на моих руках, уже не в состоянии сопротивляться.

— Как ты попала сюда?

Это был риторический вопрос, судя по плывущему взгляду и подкашивающимся ногам, вряд ли моя неожиданная гостья могла сейчас говорить.

Я взял ее на руки и понес прочь из зеркальной комнаты. Девушка была очень легкой и очень горячей. Даже сквозь толстый свитер и куртку, надетые на нее, я чувствовал лихорадочный жар ее худого тела.

Я уже приготовился долго приводить незнакомку в чувство, но, оказавшись за пределами зазеркального помещения, она почти сразу же пришла в себя.

— Пусти, — пробормотала моя незваная гостья, пытаюсь освободиться, — я сама.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, только... есть хочу, — призналась она, отводя взгляд в сторону, — просто умираю.

На кухне я усадил ее за стол, включил электрический чайник, вытащил из рюкзака сверток с оставшимися бутербродами, пару яблок. На полках нашлась коробка с сахаром и печенье, превратившееся в камень. Девчонка следила за мной голодным, настороженным взглядом, словно дикий зверек, не привыкший к вниманию и ласке.

— Как тебя зовут?

— Хэл.

— Как?

— Ну Хэлена. Сокращенно Хэл.

— Понятно. Я — Мэтт.

— Очень приятно, — пробормотала она, кутаясь в свою безразмерную куртку. — Слушай, Мэтт, там... наверху остался мой рюкзак, в нем все мои вещи, ты не мог бы...

— Сейчас принесу.

Я вернулся в комнату, осмотрелся и действительно увидел в самом дальнем углу, под деревянным креслом, холщовый мешок с лямками, грязно-серого цвета. По весу он оказался легким, а по внешнему виду полупустым. Возвращаясь, я был почти уверен, что девчонка сбежала, воспользовавшись удобным случаем, но, войдя на кухню, увидел ее сидящей в той же позе. Значит, идти ей было некуда.

— Вот твои вещи.

Она подняла голову и посмотрела на меня. На тонком лице с острым подбородком и высокими скулами, обрамленном короткими темно-каштановыми локонами, сияли нереально красивые темно-серые глаза с длинными ресницами.

— Спасибо, — сказала девушка тихо, и я понял, что эта благодарность не за принесенный рюкзак.

— Не за что.

— Если бы ты не пришел, я бы там и умерла.

— Тебе повезло.

Я выключил чайник, разлил кипятком по двум кружкам. Придвинул к девушке тарелку с едой. Она сглотнула голодную слюну и снова взглянула на меня.

— И что, эринер вызывать не будешь?

— Обойдемся без стражей порядка.

Я, не спеша приниматься за еду, наблюдал за ней. Хэлена сидела, обвив ногами ножки табуретки, и жадно вгрызалась в бутерброд.

— Сколько ты пробыла за зеркалом?

— Дня два, а может, три... не помню.

Я опустил в ее кружку чайный пакетик, бросил пару кусков сахара.

— Не наедайся особо после долгой голодовки.

— Ничего. У меня железный желудок. Можно еще?..

Я отдал ей вторую половину бутерброда и спросил:

— На меня зачем напала?

Девушка нахмурилась, словно сама пыталась понять, что именно толкнуло ее на этот шаг отчаяния.

— Показалось, ты... ну, в общем... — Она мотнула голо-

вой, то ли не находя слов, то ли не желая говорить, и я решил не настаивать на ответе.

— Стащила что-нибудь?

Хэл ногой подтолкнула ко мне свой рюкзак.

— Нет. Можешь проверить. То есть сначала взяла кое-что. Там у тебя много всякого, но, когда поняла, что не могу выбраться из комнаты, все вернула. Даже по местам разложила. Но это не подействовало. Чего я только не делала. И прощения просила, и клялась, что никогда больше ничего чужого не возьму. И зеркало пыталась разбить, и окна. Но там все словно каменное.

Она отодвинула опустевшую кружку и посмотрела на меня, ожидая объяснений.

— Ты что, не видела, куда забралась?

— Да, то есть нет. Было темно. А что?

— Дом, во дворе которого растет красная сныть, принадлежит сновидящему.

— Ах вот в чем дело. — Она потрясенно уставилась на меня своими огромными глазами. — Так ты — сновидящий?!

— Ну да.

— Никогда бы не подумала. — Хэл, забыв о еде, продолжала рассматривать меня. — Выглядишь... как обычный парень.

— А по-твоему, я должен быть старцем с длинной бородой, опирающимся на клюку? — улыбнулся я, разрезая яблоко на две части. — Как ты попала сюда?

— Просто вошла, — ответила она без особого желания.

Я молчал, ожидая продолжения, и Хэл с неохотой начала рассказывать, водя пальцем по столешнице:

— Я приехала в ваш городишко с парнем. Мы поссорились еще в «Ноте». Вернее, я психанула и, как только приехали, ушла. Было уже поздно, вокзал закрыт, все заперто, глухомань полная, ну я и отправилась куда глаза глядят.

— И твой парень вот так отпустил тебя одну, в незнакомом месте?

Девушка равнодушно пожала плечами:

— Да что тут может случиться? Ну, и с учетом того, что мы были знакомы неполных два дня — ничего удивитель-

ного. В общем, я шла, злилась и сама не заметила, как очутилась на этой улице. Увидела твой дом... и меня вдруг потянуло к нему.

Она настороженно взглянула в мою сторону, видимо опасаясь, что я могу не поверить, но я кивнул, чтобы она продолжала.

— В окнах не было света, он показался мне пустым, заброшенным. Короче, я перелезла через забор, открыла дверь...

— Как?

— Шпилькой, — призналась Хэл, криво улыбнувшись.

— Ясно. Что дальше?

— А дальше мало интересного... — Она помрачнела и взяла обеими руками кружку, грея ладони о ее керамические бока. — Пошарилась вниз, ничего особенного не нашла, поднялась на второй этаж и увидела зеркало. Оно было таким... притягивающим. Я подошла к нему и вдруг поняла, что это не зеркало, а просто арка, проход в еще одну комнату. И там столько удивительных, прекрасных вещей. Я шагнула вперед и оказалась в ловушке.

Странно, что дверь пропустила ее. Обычно человек видит в ней только зеркальное стекло и не может проникнуть внутрь.

— Значит, это твой дом? — Она устало прислонилась спиной к стенке.

— Моего учителя, теперь мой.

— Твой учитель тоже сновидящий? — Хэл зевнула и отбросила с лица спутанные темные волосы.

— Да, — ответил я, не вдаваясь в подробности. — Думаю, тебе надо лечь поспать. Здесь есть свободная комната.

— Ладно, — согласилась девушка охотно.

Напряжение последних дней постепенно уходило, и теперь она почувствовала, что может расслабиться.

Я отвел ее в крошечную комнату с маленьким окном — свою бывшую спальню. Она тут же плюхнулась на узкий диванчик, блаженно потянулась. Ее короткая юбка поехала вверх, и я вдруг разглядел, какие у нее длинные, красивые ноги. Их обтягивали черные чулки, достигающие до се-

редины бедра, и светлая полоска кожи, виднеющаяся над ними, выглядела невероятно соблазнительно.

— Сейчас принесу одеяло и подушку, — сказал я, отворачиваясь.

— Угу, — пробормотала она, стягивая ботинки.

Когда я вернулся, Хэл уже спала, свернувшись клубочком. Ее лицо стало умиротворенным и нежным, а на впалых щеках я разглядел две дорожки от слез.

Я укрыл ее пледом, подsunул под голову подушку и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Остаток дня я провел, пытаюсь привести дом в состояние, пригодное для жилья. Открыл окна, чтобы прогнать затхлый запах. Разобрал и снова собрал колонку в маленькой ванной. Когда стемнело, зажег свет во всех комнатах, и теперь дом сиял в темноте, показывая жителям, что дорога к нему снова открыта.

Можно было не ложиться спать, но, блуждая по знакомым до мельчайших деталей помещениям, я вдруг понял, что не могу больше противиться желанию вновь увидеть то, чего так долго был лишен.

Я лег на кушетку, вытянулся на холодном, чуть влажном, как и все в этом доме, белье. Глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Сон накатиł на меня сразу. Мощной волной океанического прибоя, ослепляя яркими красками и оглушая звуками, потянул за собой. Мир, забытый мной, открывался, звеня от радости, приглашал нырнуть в него с головой и забыть о реальности...

Я стоял на крыльце, залитом теплым светом. Вокруг атели цветы. Огромные деревья, каких не бывает в обычном мире, окружали двор со всех сторон и с добродушным вниманием смотрели на меня с высоты. «Давно не приходил... совсем забыл... сбежал».

Да, правда, сбежал. И не возвращался очень долго.

Я потянулся вверх, вернее, потянул пространство на себя, как одеяло во сне, и одним усилием воли заставил его отдаляться, словно виртуальную карту мира.

Теперь я смотрел сверху.

Медленно «поднялся» до середины деревьев, видя, как уменьшается дом. Он выглядел так же, как и в реальности, и вокруг него тоже цвела сныть. Алое кипящее облако. Я «взлетел» над кронами, после очень долгих лет вновь изучая мир своих сновидений. Он не изменился, и я помнил до мельчайших деталей, что увижу в нем, если отправлюсь на запад или на восток.

Наш разум ни во сне, ни наяву не может создавать что-то из ничего, из пустоты. Нужны ориентиры из реальности, хотя бы несколько. Для меня ими стали этот дом — начальная точка, дорога к калитке в высоком заборе. Измененные, слегка искаженные, но вполне узнаваемые.

Юго-запад — самое любимое направление.

Я перемещал карту все быстрее и быстрее, «несся» вперед — ярко-зеленые луга с круглыми окошками озер мелькали внизу, вытягиваясь в изумрудно-серебряные полосы. Сердце заходило в частом, восторженном стуке, в ушах гудел ветер.

А потом я вдруг услышал чей-то голос, ощутил настойчивое прикосновение. Остановился, будто врезавшись в бетонную стену, почувствовал тошнотворное головокружение. Сон разорвался, разбился на кусочки и выбросил меня в реальность.

— Мэтт! Мэтт, ты меня слышишь?!

— Слышу. — Я открыл глаза и увидел перед собой в свете уличного фонаря встревоженную Хэл, закутанную в плед.

— С тобой все в порядке? — спросила она с беспокойством.

— Да, — ответил я сухо, все еще слыша, как колотится сердце. — Больше так не делай.

— Что не делать?

— Никогда не буди меня. — Я приподнялся, взял спички, лежащие на столе, и зажег свечу.

Огоньки теплого света отразились в сердитых глазах девушки, осветили ее белые руки, сжимающие плед на груди.

— Учту, — отозвалась она язвительно. — Не разбужу, даже если дом загорится или начнется потоп.

— Что случилось? — спросил я на тон ниже.

Хэл замялась, явно не решаясь признаться в своих проблемах, и наконец выговорила:

— Ничего, просто страшно стало. Жутко. Муть какая-то снится. Душно. А ты вообще лежал как мертвый и даже, кажется, не дышал.

— Так бывает, когда я слишком далеко ухожу или очень глубоко погружаюсь в сон.

— Ясно. — Она переступила с ноги на ногу. Под ее ступнями скрипнула половица. — Слушай, можно я у тебя побуду?

Я прислонился спиной к жесткому ковру на стене. Хэл, зябко поеживаясь, устроилась рядом. Мы сидели бок о бок и смотрели в темноту за золотистым кругом от свечи.

— Мы одни в доме? — спросила девушка тихо.

— Одни.

— Я слышала сквозь сон шаги, шорохи, покашливание. А потом дверь приоткрылась, и мне показалось, что в щель кто-то смотрит. — Она вопросительно взглянула на меня, ожидая подтверждения своих страхов.

— Этот дом наполнен снами. Вернее, воспоминаниями о снах. А ты сама знаешь, что они бывают и приятными и страшными.

Она помолчала, плотнее закутываясь в плед.

— Когда я была маленькой, родные хотели отвести меня к сновидящему.

Я внимательно посмотрел на нее:

— Ты болела?

— Нет, — Хэл усмехнулась, — просто была упрямой, непослушной, слишком самостоятельной. И они решили, что мне не помешает небольшая коррекция. Я до сих пор помню проспект городского салона сновидений — фотография роскошного дома с огромными окнами, колоннами, садом камней, старыми оливами... ручей с мостиком, статуи...

Она замолчала, а я сказал:

— Да, городские центры выглядят очень впечатляюще.

— Не то что твой дом, — весело подтвердила она. — И деньги за услуги они берут не маленькие.

— Но как я погляжу, коррекция не удалась, — улыбнулся я.

— Да, — охотно подтвердила Хэл, явно гордясь своим упорством. — Хотя женщина-сновидящая была очень милая, насколько я теперь понимаю. Красивая, элегантная... А я устроила истерику, отказалась засыпать и вообще буянила и рыдала. И она сказала, что не может работать со мной.

— Ты не хотела, чтобы она вмешивалась в твои сны?

Хэл кивнула:

— Да. Это был мир только для меня. Не для посторонних. Но я не могла объяснить это взрослым. Они не понимали.

Она перегнулась через меня, переставляя свечу, и та озарила ее лицо.

— Значит, ты спишь не так, как обычный человек?

— Да.

— И в чем отличие?

— Я могу спать только в этом доме.

Девушка помолчала, но не дождалась более подробных, детальных объяснений и спросила:

— В смысле? Как это? А в других местах не спишь?

— Нет.

— Вообще?!

— Только быстрая фаза, самая поверхностная. Это, в общепринятом понятии, не сон. Мозг частично отдыхает, но глубокого погружения нет. Я не отдыхаю во сне, как другие люди.

Хэл заинтересовалась. Повернулась ко мне, и ее взгляд жадно впился в мое лицо.

— А остальные сновидящие? Получается, им нужно постоянно находиться в одном-единственном месте? Они что, навсегда привязаны к своим центрам, где работают и куда приходят больные?

— Принимать пациентов можно где угодно. Но работают они в одном месте — там, где проходило их обучение, и не важно, что это — дом, квартира, шалаш на дереве, поляна в лесу. Сложная система связи реальности и пространства за гранью, которую нельзя разрушать.

В широко распахнутых пытливых глазах Хэл блестели два отражения крошечного язычка пламени.

— А если с этим домом, квартирой, шалашом что-то случится? Молния ударит, например? Или землетрясение?

Мне показалось забавным ее искреннее беспокойство и любознательность.

— С домом сновидящего ничего не может случиться. Он существует в двух мирах одновременно.

Она не слишком поняла мое объяснение, но сразу приняла его на веру.

— Слушай, а что это все-таки за комната, где я оказалась заперта?

— Рабочий кабинет.

Этот ответ ее тоже удовлетворил. Хэл повозилась, устраиваясь удобнее, и задала новый вопрос:

— Почему мне не удавалось выйти из него?

Главным было — почему ей удалось войти. И у меня имелось предположение, отчего это произошло. Но пока я предпочел ничего не говорить девушке.

— Не знаю.

— Ты говорил, этот дом принадлежал твоему учителю...

— Да.

— А что с ним стало?

— Он умер. Во сне. Иногда такое случается.

— Сочувствую. — Сочувствия в ее голосе не было, только любопытство. — А когда это случилось?

— Десять лет назад.

Она нахмурилась, покачала головой.

— Значит, ты не был тут десять лет?

— Да.

— И ты не спал все это время?! — Она фыркнула и усмехнулась. — Понимаю, почему тебе захотелось наконец вернуться.

Я рассмеялся, укладываясь обратно в постель и закрывая глаза.

— Если хочешь, можешь остаться здесь. А мне надо поспать. Как ты понимаешь, у меня во сне накопилось много дел.

Она пробормотала в ответ что-то саркастическое, потушила свечу, и, уже засыпая, я почувствовал, как она устраивается рядом, прижимаясь ко мне теплым боком.

Сон снова окружил меня яркими картинками. Гораздо более яркими, чем реальность...

Я шел на восток. Медленно, неторопливо. Сначала вдоль реки. Берег становился все выше, выше... пока не превратился в крутой обрыв. Двухэтажные дома, стоящие на нем, были черными, заброшенными, безмолвными. За покосившимися заборами буйно цвела черемуха. Я мог бы ощутить ее запах, если бы постарался. Узкая тропинка вилась в высокой траве, и мне казалось, что я чувствую теплую землю сквозь подошвы ботинок.

На другой стороне реки, за густыми деревьями, пока еще невидимый, стоял странный, искаженный храм. Вокруг него, глубоко погруженные в землю, лежали каменные надгробия. Одно из немногих мест, где я не любил бывать. Обрывок старого кошмара, доставшегося по наследству, и я пока не смог избавиться от него.

Впереди показалась белая крепость. Старинная, полуразрушенная и тоже не помилованная временем — река, распадаясь на десятки рукавов, текла по ней. Сбегала водопадами по стенам, промывала щели в каменных полах, бурлила в узких трубах, разливалась по залам. Освещенная солнцем вода искрилась и отбрасывала блики на своды узких арок.

Я сделал несколько шагов по направлению к почти превратившемуся в развалины городскому укреплению и вдруг увидел впереди, посреди густого зеленого леса то, чего никогда не было и не должно было быть в моем мире. Огромное, бетонное высотное здание.

Сотни темных окон слепо смотрели на меня, крыша щетинилась антеннами, торчащими под самыми немыслимыми углами. Я устремился к нему и тут же ощутил волну зимнего холода. Ледяной промозглый ветер свистел между каменных высотных громадин.

За первым небоскребом вырос второй, затем еще один. Стали появляться прохожие. Молчаливые темные фигуры

беззвучно брели по обледеневшим мостовым, отворачивая от меня лица. Аура безысходности и тоски — предшественники надвигающегося кошмара — начали колоть сердце, но я привычно отгородился от них.

Впереди мелькнул знакомый силуэт. Тонкая фигура в куртке с чужого плеча, короткая юбка, полоска белой кожи между подолом и чулками. Растерянная, неровная походка заблудившегося ребенка, ссутулившиеся плечи, руки спрятаны в рукава от холода.

— Хэл!

Не услышала, не оглянулась.

Я поспешил за ней.

Людей прибавилось. Серые сгорбленные спины заслонили от меня девушку. Я ускорил шаг, чтобы догнать ее и вывести из этого унылого, ледяного сна.

Но толпа становилась все гуще. Меня начали толкать, наступать на ноги, оттеснять к кромке тротуара под колеса машин. Хэл тоже шла с видимым усилием, опустив голову и спотыкаясь.

Я уже с трудом продирался сквозь вязкий кисель чужих тел. Один из пешеходов толкнул меня особенно чувствительно, оглянулся, и я наконец увидел его лицо... все их лица. Белые листы с дырами вместо глаз, которые появляются, если проткнуть бумагу карандашом — черное отверстие с рваными краями. Они поворачивались ко мне и смотрели пустотой.

Силуэт Хэлены еще раз мелькнул впереди. Но я успел заметить, как от безликого потока отделились две громоздкие фигуры, подхватили девушку и потащили в подворотню. До меня долетел отчаянный вскрик.

Холодные тела продолжали толпиться вокруг, кто-то аккуратно и цепко попытался ухватить меня за локоть. Я сунул руку в карман, точно представляя, что нужно из него достать. Зажигалка в моих пальцах блеснула металлом, с легким щелчком откинулась крышка, и жаркий огонек осветил бумажные лица. Безглазые шарахнулись в стороны и снова как ни в чем не бывало побрели по своим делам.

Я поспешил в подворотню, куда кошмар утянул Хэл. Она была там. Висела, едва касаясь носками ботинок ас-

фальта, и цеплялась за веревку, затянутую на шее, изо всех сил привставала на цыпочки, чтобы не задохнуться.

Я мог управлять любым сном, меняя его правила, но сейчас следовало идти по течению этого. Я шагнул под арку, ее тень упала на мое лицо. Теперь стало возможно разглядеть мокрые сосульки волос девушки, мотающиеся из стороны в сторону, куртку, обвисшую на теле бесформенными складками...

Еще один шаг.

И тут же ко мне с двух сторон метнулись две безглазые фигуры. Я позволил им приблизиться. Как только меня коснулись костлявые ледяные руки, Хэл перестала дергаться. Медленно подняла голову, и я увидел ее торжествующе-любопытный взгляд. Западня, которую она приготовила для меня, сыграв роль беззащитной жертвы, захлопнулась.

Пальцы существ, впивающиеся в мои предплечья, перерезали ткань куртки, еще немного — и лезвия вонзились бы в кожу. Любопытный, жадный взгляд Хэл встретился с моим, и тут же в серых глазах мелькнула растерянность, недоумение, а затем страх. Она отшатнулась, веревка слетела с ее шеи.

И сон рассыпался ворохом сухих листьев...

Мы проснулись одновременно. Хэл сидела на кровати, тяжело дыша, и смотрела на меня широко распахнутыми глазами. В седом расветном сумраке они казались почти черными.

— Мне приснился странный сон. Я видела тебя. И... — Она запнулась, осмысливая увиденное. Скорее всего, осознала, что пыталась мной манипулировать, быть может, даже желала причинить боль, но говорить об этом ей не хотелось.

— Я тоже тебя видел.

— И что это значит?

— Последний признак. Теперь я убедился окончательно. Ты — сновидящая. Такая же, как и я.

Она пригладила обеими руками живописно растрепанные волосы.

— Ты знал об этом?

— Предполагал. Тебя потянуло в этот дом, и зеркало пропустило тебя.

На ее лице промелькнули одно за другим — сомнение, недоверие, восторженное предвкушение и внезапное разочарование.

— Да нет, вряд ли. Я же не умею контролировать свои сны, просто смотрю их. В них постоянно происходит такое, на что я не могу повлиять. И сплю как обычный человек.

— Тебе нужна практика. И учитель.

— А долго учиться?

— Основы можно освоить за несколько месяцев. Практика будет проходить всю жизнь. Все зависит от твоих способностей и твоего дара.

Она смотрела на меня с жадным нетерпением.

— И ты знаешь, какие у меня способности?

Я знал. После этого яркого, леденящего сна догадаться было нетрудно.

— Пока ничего не могу тебе сказать.

Хэл выглядела немного разочарованной, однако не теряла надежды узнать что-нибудь еще.

— А какие они вообще бывают?

— Мы лечим во сне, дарим приятные видения, предсказываем будущее, заглядываем в прошлое, даем полезные советы. Но ты сама должна была слышать об этом.

— Слышала. Но вашими услугами могут пользоваться только очень богатые. Так что все это было далековато от меня.

— Дорого оплачиваются услуги аонид. Но у них действительно очень сложная задача и чрезвычайно редкий дар. Они работают с учеными и людьми искусства. Дарят им идеи, неожиданный поворот мысли, приводят в систему собранные знания. Эти сновидящие очень образованны, умны, обладают прекрасным, хорошо развитым воображением и вместе с тем чрезвычайно логичны, тратят огромное количество времени для саморазвития, и чаще всего они специалисты в какой-либо сфере науки или искусства.

— Ну да, понимаю, — задумчиво кивнула Хэл. — Чтобы работать аонидой, без университетского образования в сон не сунешься.

— Еще очень востребованы хариты и вдохновители. Они дают легкие, приятные, утешающие видения. Люди, погружаясь в них, отдыхают, развлекаются, радуются, наслаждаются. Также высоко ценятся оракулы и пифии — предсказатели будущего по сновидениям. Кроме этого они могут наслать видение, которое помогает человеку изменить свою жизнь.

— А ты? — Хэл нахмурилась сосредоточенно.

— Мне пришлось развивать универсальные способности, — ответил я после крошечной паузы. — Но вообще я — эпиос. Исцеляющий.

Она помолчала, обдумывая полученные сведения, и задала неизбежный вопрос:

— А ты сможешь учить меня?

Дэймос. Создатель кошмаров. Тот, о ком не говорят, чтобы случайно не привлечь. ...Еще один дэймос.

Понятно, что отпустить ее я не могу. Сила, живущая в Хэл, сожрет ее, если она не научится управлять ею. Дар черной гурии может уничтожить не только саму девушку, но и тех, с кем она общается или общалась.

Хэл терпеливо смотрела на меня, ожидая решения. Ей очень хотелось стать такой же, как я. Превратиться из обычной девчонки в особенную, необычную, уникальную, обладающую невероятной властью.

Хорошо, что на нее наткнулся именно я. Удача для нее. Но не для меня...

— Я буду учить тебя.

— Здорово! Отлично! — Она схватила меня за руку и крепко сжала от полноты чувств. — Когда первый урок?

— Сегодня.

— И с чего начнем?

— С самого простого. Для начала постарайшься увидеть во сне свои руки.

— И все? — Хэл разочарованно отодвинулась, хмуро глядя на меня из-под густой челки. Видно, решила, что я подшучиваю над ней. — Что за ерунда? Я и так не раз видела их.

— Сделаешь это осознанно. Вспомни о моем задании, подними ладони и посмотри на них.

— Ну ладно. — Она пожала плечами. — Но только это как-то слишком просто.

— А ты попробуй, — усмехнулся я.

— Сейчас?

— Нет, вечером. Я хочу привести дом в порядок до появления первого клиента.

— Думаешь, кто-нибудь придет? — спросила она скептически, выбираясь из постели.

— Уверен.

Пока Хэл умывалась, я составлял список необходимых дел и покупок.

— Так, что тут у тебя? — Она появилась у меня за спиной, беззаботно навалилась на мое плечо и стала читать вслух: — Сахар, пряники, печенье, мармелад...

Хэл прервалась, поднимая взгляд от бумаги.

— Мы что, будем есть только сладкое?

— Это не для нас.

— Собираешься клиентов кормить? Чай, кофе, сбор с ромашкой и мятой... Это для особо нервных, что ли? — Она тихо хмыкнула и выдернула у меня из-под руки листок. — Проще было бы все заказать по Сети. Но пока тут у тебя дождешься доставки... Я схожу в магазин.

— Ты не знаешь, где он находится.

— Вот заодно и узнаю. И нечего меня контролировать.

— Как ты одна сумки понесешь?

Хэл фыркнула, закатывая глаза:

— Не смейся! От полкило баранок и банки кофе я уж как-нибудь не надорвусь.

— Ну ладно. Деньги...

— Да знаю я, где у тебя лежат деньги.

И моя будущая ученица бодро удалилась, я слышал только, как громко хлопнула, закрываясь, дверь.

Следующие полчаса я занимался тем, что переставлял мебель, готовя комнату для занятий. И так как обучение должно проходить во сне, мне понадобятся по меньшей мере две кровати...

Кушетка из спальни медленно ползла по полу, задевая ножками за паркетины. Она уже добралась до центра ко-

ридора, когда я услышал звук, странный в доме, где не должно быть никого, кроме меня. Шаги на втором этаже.

Я замер, напряженно прислушиваясь, и спустя минуту тяжелый скрип половиц над головой зазвучал вновь. Кто-то неторопливо, размеренно расхаживал по зазеркальной комнате, останавливаясь время от времени. И я узнавал эти шаги.

Говорят, дэймосы не умирают до конца, превращаясь в кошмары, и иногда могут вернуться в реальность. Если о них помнят.

Наверное, я был бы рад увидеть его, вот только почему-то, поднимаясь по лестнице вверх, сжимал в руке тяжелый металлический прут, служивший в доме кочергой для камина.

— Феликс... это ты?

Ответом мне был шелест.

Я открыл дверь, пересек пыльную нежилую комнату и остановился перед зеркалом. Все звуки с той стороны смолкли. Напряженная тишина приглашала войти. Мое отражение в потускневшей амальгаме то увеличивалось, то уменьшалось, словно по ней шли волны. Крепче сжав прут, я шагнул вперед через стеклянную завесу.

Золотистые искры от секстанта рассыпались острыми шипами, розы зловеще зашуршали высохшими листьями, пуговицы в банках взглянули на меня сотнями мертвых глаз.

— Феликс?

Тишина стала натянутой, звенящей. Прямоугольник света, льющийся из окна, заслонил темный силуэт. Кто-то заглядывал с той стороны в комнату. Я быстро посмотрел влево, успел заметить голову и плечи, прижатые к стеклу, но они исчезли, и солнечные лучи снова беспрепятственно потекли внутрь. А у меня за спиной раздался тонкий звон треснувшего хрусталя. Я повернулся, от большой банки откололся кусок и упал на стол. Из дыры посыпались пуговицы. Весело подскакивая, они катились по полу, разбегаясь кто куда.

Рядом треснула еще одна емкость, и новые разноцветные кругляшки горохом запрыгали по доскам.

Я, не двигаясь, смотрел на это представление. Не испытывая ни смятения, ни удивления, скорее меня одолевало любопытство, что последует дальше. Те, кто управляют страхом во сне, наяву очень быстро утрачивают способность бояться чего бы то ни было. Впрочем, наше общество и так практически вылечилось от недуга панического ужаса и неуверенности, а сновидящие часто оказывались лишены даже элементарной осторожности и любого мистического трепета.

— Что-то еще? — спросил я с интересом, оглядываясь. — Или мне уже можно идти?

Ответом был едва уловимый знакомый бархатный смех, тающий вдали.

Затем из реальности послышались тихий хлопок калитки, быстрые уверенные шаги. Внизу бухнула дверь, и зазвучал звонкий голос Хэлены:

— Эй, Мэтт, кровать теперь что, в коридоре будет стоять?

Я вышел из комнаты, запер дверь. Увидев меня, спускающегося по лестнице, Хэл нахмурилась и, не глядя, поставила полную сумку на пол.

— Что случилось?

— Ничего.

— А это зачем? — Она указала взглядом на прут.

— Ты все купила?

— Да, — ответила девушка, продолжая смотреть на меня недоверчиво. — Зачем ты один мебель двигал? Дождался бы меня. Что у тебя за дурацкая манера делать все самому?

Я поднял сумку и понес ее на кухню. Хэлена шла следом за мной и делилась впечатлениями:

— Знаешь, городок ничего себе так. Вполне уютный. Только на меня пялились все встречные. И в магазине пытались выведать, откуда я. Где живу? С кем?

— Маленький город, — ответил я рассеянно, выгружая продукты на стол, — каждое новое лицо вызывает интерес.

— А когда узнали, что я из этого дома, насторожились. — Хэл, слегка потеснив меня, принялась помо-

гать. — И понарасказывали много занятного про его хозяев.

— Например?

— Если опустить историю про сатиров, пляшущих в огороде, и маленьких девочек в белых платьях, сидящих на ветвях по ночам, то остаются стоны, которые раздавались отсюда в полночь, дым из окон, горящие, но не сгорающие деревья и вороны, летающие кругами над домом.

— Мой учитель был большим оригиналом. — Я невольно улыбнулся.

— Странно, что вас не выселили отсюда или не пытались поджечь. — Она, не глядя, засунула сладости в буфет и с грохотом захлопнула дверцы.

— Выселять не решались. Поджечь не получилось. Кроме того, он был великолепным целителем. Мог вылечить любую болезнь. И за это ему прощались все странности.

— Хотела бы я познакомиться с ним. — Хэл мечтательно уставилась в окно, подбрасывая на ладони яблоко.

— Да, думаю, ты бы ему понравилась. Он обожал решительных молодых девушек. ...Но учить ему пришлось меня.

— А какие у вас были отношения? — Хэл повернулась ко мне. Ее глаза засветились от любопытства.

— Сложные, — ответил я уклончиво. — Ладно, сначала поставим на место кровать, затем завтрак, а потом начнем первое занятие.

Но ничего из запланированного мы сделать не успели.

Деликатно хлопнула калитка, по крыльцу тяжело топтали подошвы мужских ботинок и процокали женские каблуки. Во входную дверь негромко постучали.

— Я открою! — Хэл перепрыгнула через кушетку, которую мы двигали совместными усилиями, и помчалась в коридор.

Я последним пинком отправил важное «средство обучения» в комнату, прислушиваясь к приглушенному разговору. Громкий голос моей весьма самоуверенной ученицы заверял визитеров, что они не ошиблись и тот самый сновидящий живет именно здесь. Причем «тот самый»

было произнесено с чрезвычайно внушительной интонацией.

Дверь в дом распахнулась, и я вышел навстречу гостям. Мужчина средних лет, в недорогом деловом костюме сдержанного серого цвета смотрел на меня недоверчиво и хмуро. Женщина — невысокая хрупкая блондинка в небесно-голубом платье — с удивлением, надеждой и легкой растерянностью. Я был уверен, они не ожидали, что мастер снов будет выглядеть как я, обычно каждый клиент придумывал образ в силу своего воображения и при виде меня чаще всего разочаровывался. Моя реальная внешность слабо соответствовала поэтичному званию эписопа.

Затем их взгляды переместились на угол кровати, двусмысленно торчащий из комнаты.

— Доброе утро, — сказал я и дружелюбно улыбнулся, когда оба посмотрели на меня.

— Доброе, — кивнул мужчина, подавая мне руку. — Это вы новый сновидящий?

— Сновидящий, — подтвердил я, отвечая на его крепкое пожатие, — но не новый.

Хэл за спинами гостей подавила крайне не вежливый смешок.

— Прошу, проходите. Хэлена, приготовь чай.

Девушка состроила недовольную гримасу, ей совсем не хотелось торчать на кухне в то время, как я стану беседовать с потенциальными клиентами. Но нацепила маску невинной приветливости, когда те оглянулись на нее.

— Прошу в гостиную.

Я повел их в самую большую комнату. Она находилась точно под рабочим кабинетом и повторяла его размерами. Здесь все еще было прохладно, темновато, хотя рассеянный свет из окон придавал таинственность круглому столу в центре, необъятному дивану, занявшему всю стену, и шкафам из черного дерева, забитым книгами. Одиноким солнечный лучик лежал в глубокой пасти камина. Я подумал мельком, что в следующий раз надо его растопить, чтобы все здесь соответствовало образу обиталища мудрого врачевателя и сновидца.

— Располагайтесь, пожалуйста.

Гости заняли места у стола. Передвинув тяжелые стулья так, чтобы оказаться совсем рядом, бок о бок. Я подумал, что сейчас мужчина взял спутницу за руку, пытаюсь передать ей часть своей уверенности.

Я сел напротив, намеренно отдалившись, и несколько секунд рассматривал их, чтобы составить впечатление. Далеко не богаты, но стараются выглядеть достойно. Одежда довольно приличная, а в платье женщины даже виден некий изыск — скорее всего, шила сама. Светло-русые волосы мужчины аккуратно подровнены, но сделано это явно не в дорогом салоне, по всей видимости, стригла жена дома. Лица приветливые, открытые, симпатичные, хотя следы усталости и тревоги легли под глазами тенями и мелкими морщинками, приопустили уголки губ. Знакомое выражение.

Пришли просить не за себя. И я их последняя надежда. Вернее, последняя надежда женщины, в ее голубых глазах, красиво оттененных синевой платья, светится отчаянное упование на всемогущих мастеров сна. Ее спутник настроен более скептически. Не доверяет, насторожен. Плечи под тщательно отутюженным пиджаком напряжены будто каменные, челюсти сжаты, светло-ореховые глаза под густыми бровями смотрят недоверчиво.

Впрочем, я его понимаю. Можно только догадываться, скольких эскулапов ему пришлось пройти, чтобы наконец оказаться в моей пыльной, полутемной гостиной.

— Целер сновидящий... — Гостья решила первой нарушить молчание, но я перебил ее с улыбкой:

— Называйте меня просто Мэтт. И мне было бы приятно знать ваши имена.

— Лидия.

— Саймон, — сухо, хоть и вежливо произнес мужчина.

— Мэтт... — Еще одна попытка, и снова тишина, стало слышно, как Хэл на кухне звенит посудой, девушке не терпелось быстрее присоединиться к нам, чтобы присутствовать при разговоре.

— Кто в вашей семье болен?

Женщина разомкнула губы, посмотрела на мужа. Но того не удивил этот вопрос, последовавший за недолгим

наблюдением, и он продолжал не слишком любезно сверлить меня взглядом.

— Сын, — сказала Лидия, и в ее приятном голосе зазвучала решимость человека, давшего себе слово биться до конца с препятствиями и жизненными сложностями. — Ему шестнадцать. У нас с собой медицинская карта. — Она начала открывать сумочку, но я остановил ее жестом.

— Расскажите, что с ним.

— Раскалывание рассудка, — жестко произнес Саймон. Он напряженно ждал моей реакции, пытаясь определить, насколько сложную задачу они мне задали и не спасую ли я перед ней сразу.

Хэл, появившаяся в комнате с подносом в руках, конечно же не сдержалась и заявила в своей категоричной манере:

— Но сейчас это лечится и без сновидящих. В обычных клиниках.

— Моя ученица, — пояснил я, принимая неизбежность ее стихийной активности.

— Все началось, когда Эйсон был у моих родителей. Они боролись, как могли, потом подключились мы, но тоже ничего не сумели сделать. Лекари оказались бессильны... — Лидия рассеянно следила за девушкой, с космической скоростью расставлявшей чайный сервиз на столе. Кивнула благодарно, когда перед ней оказалась чашка с чаем, немного выплеснувшимся на блюдце, поставленная решительной, хотя и не слишком бережной рукой. — И мы уже были у сновидящего в мегаполисе два месяца назад.

— Каковы результаты лечения?

— Эйсон впал в кому. — Во взгляде мужчины промелькнула боль. — И находится в ней уже месяц.

— А что, бывает такой эффект? — Хэл уселась между мной и клиентами, подтолкнула к ним вазочку с печеньем. — Угощайтесь.

— Иногда бывает, — ответил я, замечая, что гости начали невольно расслабляться в присутствии моей ученицы, умело изображающей раскованную непосредственность. — Уверен, мой коллега сделал все, что было в его силах.